Записки Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени горного института им. Г. В. Плеханова, т. LIII, вып. 3, 1972 г.

Г. Д. Кошелева

ПРОВАНСАЛЬСКАЯ ТЕМА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А. ДОДЕ И ДВИЖЕНИЕ НОВОПРОВАНСАЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФЕЛИБРОВ

При анализе раннего творчества А. Доде и его связи с движением новопровансальских писателей — фелибрижем — нам кажется необходимым остановиться на «Письмах с моей мельницы», произведении, в котором яснее всего проявилось влияние новопровансальской литературы на молодого писателя.

О «Письмах с моей мельницы» А. Доде существует большая критическая литература как на родине писателя, так и за ее пределами.[1] Об Альфонсе Доде-новеллисте писали и советские исследователи.[2] Однако вопрос о связи Доде с литературным движением юга Франции — фелибрижем и роли фелибрижа в творческой эволюции писателя в 60-е годы никогда подробно не рассматривался.

«Письма с моей мельницы» можно назвать первым зрелым произведением молодого писателя. В нем он обратился к темам жизни и природы родного Прованса. Целиком сборник был издан только в 1869 г., но отдельные рассказы были опубликованы раньше,[3] а самый замысел создать серию рассказов, посвященных Провансу, возник в начале 60-х годов, когда А. Доде провел две зимы в Провансе и встретился там с представителями новопровансальской литературы — фелибрами.

В 60-е годы во французской литературе вновь и все более отчетливо стал проявляться интерес к крестьянской жизни, к проблемам нравов и быта деревни, к регионализму. Обострившиеся после революции 1848 г. отношения между городом и деревней, аграрная политика Наполеона III, искавшего опоры в крестьянстве против поднимающегося городского пролетариата, стихийные бедствия, поразившие Францию и, наконец, разорительная Крымская война, требовавшая все новых налогов и человеческих жертв, — все это привлекает внимание широких общественных кругов страны к социальным проблемам современности и, в частности, к деревне, заставляет по-новому взглянуть на положение крестьян.

Одним из проявлений широкого интереса к деревне явилось издание в 50—60-е годы огромного количества брошюр, мемуаров, научных исследований о социальном положении крестьян, об их быте и морали.

[1] H. d'Alméras. Avant la gloire. Paris, 1902; G. Beaumes. Les Lettres de mon Moulin. Paris, 1929.

[2] В. Б. Евстафеева. Доде-новеллист. Автореф. канд. дисс. М., 1963; В. И. Кондорская. Рассказы А. Доде о франко-прусской войне. Уч. зап. Ярославск. гос. пед. ин-та, 1944, вып. 1.

[3] Первые пять «Писем»— «Провансальские хроники»— были опубликованы в 1866 г. в «Evènement» и подписаны псевдонимом Gaston-Marie.

«Социалист и пахарь — вот кто отныне является основным предметом исследования ученых, экономистов и государственных деятелей», — писал Д. де Тие.[4] Увлечение общества сельскохозяйственными вопросами сатирически изобразил Г. Флобер в романе «Мадам Бовари».

Интерес к деревне проявляется и в живописи. Картины на темы крестьянской жизни пишут Милле («Сеятель», «Жницы», «Собирательницы колосьев», «Крестьянин с мотыгой») и Курбе («Дробильщики камней», «Крестьяне, возвратившиеся с ярмарки»). Эти произведения оказали значительное влияние на развитие французской эстетической мысли.

С особенной яркостью и глубиной интерес к крестьянской теме отразился в литературе. Обращение к этой теме непосредственно вытекало из общей социальной и эстетической программы школы французского «реализма» 50-х годов. «Все явления современности могут стать предметом исследования писателей, — писал один из основателей этого литературного направления Шанфлери, — однако лучше сначала изображать низшие классы, где искренность чувства, действий и слов проявляется яснее, чем в высшем обществе».[5]

Крестьянские романы Шанфлери, Дюранти и других посвящены изображению земледельческого труда, поэзии сельской жизни. Главные герои этой литературы — пахарь, виноградарь, пастух.

В своих основных чертах крестьянские произведения французских реалистов продолжают традиции так называемой деревенской литературы, получившей в 40-е годы широкое распространение во многих странах Европы. Во Франции — это были деревенские романы Жорж Санд; в Германии — рассказы Ауэрбаха, стихи, пьесы и новеллы Гебеля; в Швейцарии — произведения Готхельфа.

В результате событий 1848 г., разрушивших иллюзии утопического социализма, свойственные многим романтикам, писатели этого направления, в частности Жорж Санд, пытались найти в деревне ту «естественную чистоту и добропорядочность», которую она противопоставляла городской суете и развращенности. «Маленькая Фадетта», написанная непосредственно после кровавых дней 1848 г., отвечала насущной потребности писательницы «рассеять воображение, обратившись к идеалу спокойной простоты и мечтательности».[6]

А в «Чортовом болоте» Жорж Санд писала: «Это порыв сочувствия, социального сострадания к крестьянину, и в то же время — нежная, свободная поэтическая мечта».[7]

Представители деревенской литературы старались по-своему, как можно правдивее изобразить жизнь деревни, изучая местный фольклор и традиции, записывая народные песни. В 1859 г. во Франции выходит сборник песен Бретани, Пуату, Берри, Нормандии, Фландрии и Лотарингии. Редактором сборника был Бюшон, предисловие к нему написал Шанфлери.[8]

Стремясь возродить местное народное творчество, старую песню и легенду, многие писатели стали популяризировать так называемую региональную литературу, литературу, пытающуюся сохранить и воплотить особенности быта, нравов и языка данного края. В большом исследовании, посвященном развитию «деревенской» литературы во

---

[4] D. de Thiais. Le Paysan tel qu'il est et tel qu'il devrait être. Paris, 1856, p. 3.
[5] Б. Г. Реизов. Шанфлери и реализм 50-х годов. В сб.: Французский реалистический роман XIX века. М.—Л., 1932, стр. 79.
[6] G. Sand. La petite Fadette. Paris, 1851, p. 157, Notice de 21 déc.
[7] G. Sand. La Mare au Diable. Paris, 1858, p. 37.
[8] M. Buchon. Chants populaires. 1-e éd. Paris, 1859; 2-e éd. Paris, 1878.

Франции, Р. Цельвегер пишет: «Это были годы, когда в различных областях Франции начали во все большем количестве появляться произведения на крестьянскую тему, что привело, в конце концов, к возрождению литературного регионализма — движения, которое отныне продолжает свое триумфальное шествие по французской литературе».[9]

Региональная литература, в частности провансальская, завоевывает все большее признание в Париже. Поэма провансальского поэта Фредерика Мистраля «Мирей» вызывает восторг у Ламартина и Сент-Бева.

Мистраля называют одним из лучших поэтов современности, его сравнивают с Вергилием, ему начинают подражать. В апреле 1859 г. Ламартин посвящает Мистралю всю 15-ю беседу своего «Общедоступного курса лекций по литературе». Появляются и произведения, рисующие нравы и обычаи французских провинций. Жюль де Мадлен описывает нравы Прованса в своем, нашумевшем в те годы романе «Маркиз де Саффра».

Юг Франции занимал особое положение в общем политическом и экономическом развитии страны. После промышленного кризиса 1849 г., развившегося почти вслед за февральской революцией, огромное большинство мелких предпринимателей (среди них и отец А. Доде) оказались разоренными и выброшенными из привычной колеи жизни. Причем в Провансе, где патриархальные отношения сохранились в гораздо большей мере, чем на Севере, промышленный прогресс, несущий с собой неминуемое разрушение патриархальных форм хозяйства, воспринимался особенно тяжело. «Южная Франция,— писал К. Маркс,— в силу социальных отношений... стала реакционной частью Франции. Ее оппозиция Северной Франции очень скоро превратилась в оппозицию против прогрессивных классов всей Франции. Она стала главным оплотом феодализма».[10]

Провансальское национально-литературное движение, возникшее в эти годы, в значительной степени отразило реакционные настроения патриархального Юга, его отрицательное отношение к вторжению промышленного капитала. Основной тенденцией новопровансальцев была идеализация средневековой патриархальной старины, стремление сохранить старые формы патриархального хозяйства и отношений между людьми и, с другой стороны, возродить столь славную прежде провансальскую культуру.

Интерес к Провансу и его литературе XII и XIII веков возник у деятелей французской культуры в самом начале XIX века, когда в связи с развитием романтизма в Европе писатели стали обращаться к средневековым литературам, в частности и к провансальской.[11]

Однако только в 50-е годы XIX века деятельность новопровансальских писателей и поэтов оформилась в особое движение с четкой политической и эстетической программой. В 1852 г. в целях объединения провансальских поэтов под знаком национально-литературного движения Юга Ж. Руманиль опубликовал «Антологию современных провансальских поэтов».[12] А в 1854 г. семь провансальских поэтов: Ж. Руманиль, Ф. Мистраль, Т. Обанель, А. Крузийя, А. Матье, А. Таван и

---

[9] R. Zellweger. Les Débuts du Roman rustique. Paris, 1941, p. 280.

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 5, стр. 379.

[11] R. Renoire. Choix des Poésies originales des troubadours. Paris, 1816; E. Sismondi. La Littérature du Midi de l'Europe. Paris, 1813.

[12] Li Proençalo. Avignon, 1852.

Р. Жьера основали ассоциацию фелибров.[13] Таким образом, было положено начало новому литературному движению — фелибрижу.

Отцом фелибрижа был Жозе Руманиль. Свои взгляды на поэзию он выразил в песнях, а также в письмах к друзьям. Ярый католик и роялист, Руманиль являлся одним из наиболее право настроенных представителей фелибрижа. Идеолог патриархального крестьянства, Руманиль ненавидел все то, что нарушало «вековой покой» этого края. Основными темами его поэзии были семья и религия: семейный очаг для него — необходимый хранитель чистоты, залог общественного блага; в религии он видел выражение народной души, залог спасения родины. «Поэзия, — писал он, — должна внушать любовь к доброму, истинному, прекрасному, должна смирить народные страсти, восхвалять добро, порицать зло, внушать любовь к богу, труду и добродетели».[14]

Самый талантливый поэт фелибрижа Фредерик Мистраль также являлся по преимуществу певцом деревни, сохраняющей священные для него патриархальные традиции. Как и у Руманиля, в поэзии Мистраля большую роль играет религия, ему свойствен даже некоторый мистицизм.

Новая литература создавалась на базе провансальского языка. «...Там, где бродит тень великого Петрарки и где семь „апостолов" провансальской поэзии, назвавшие себя фелибрами, пытались возродить провансальский язык...», — писал в своих воспоминаниях Доде.[15]

Начиная с XVII века старое провансальское правописание было забыто, а затем чуть ли не каждый поэт на Юге вносил в его орфографию свои собственные правила и уточнения. Перед фелибрами встала сложная задача — на основе существующих южных диалектов выработать единый литературный язык и создать его орфографию. Притом фелибры всегда подчеркивали, что этот язык должен быть понятен и близок простому народу.

Для фелибров восстановление провансальского языка тесно связывалось с возрождением национального самосознания. «О, народ, обитающий в Альпах, — говорил Теодор Обанель в одной из своих речей, — доблестный, гордый, свободный. В наших освещенных солнцем долинах, в наших густых лесах, ...все вы, говорящие по-провансальски, знаете ли вы славу нашего языка, бывшего славой ваших предков и вашей истории?».[16]

Фелибры требовали введения провансальского языка в школах Юга, в местный официально-деловой оборот, но при этом они отвергали сепаратизм, т. е. выделение Прованса из состава Франции. Фелибры требовали только так называемого культурного равноправия. Восстановление провансальского языка, низведенного на уровень простонародного диалекта, и должно было, по их мысли, послужить литературному и культурному возрождению Прованса. Обанель писал: «Провансальцы принадлежат великой Франции и будут ей принадлежать..., но мы хотим, чтобы, вспоминая о предках, о прошлой славе, бретонец свободно говорил по-бретонски, баск — по-баскски, а провансалец — по-провансальски».[17]

---

[13] Название заимствовано из старинного духовного стиха и означает 'книжники'. Felibrige — провансальское слово, введенное поэтом Ф. Мистралем. В вульгарной латыни felibre 'питомец муз', на провансальском языке 'поэт и писатель'.

[14] J. Roumanil. La lettre à M. Duret. — Цит. по кн.: С. В. Соловьев. Очерки по истории новой французской и провансальской литературы. СПб., 1914, стр. 226.

[15] Цит. по: Baptiste Bonnet. Un paysan du Midi. Le Baile Alphonse Daudet. Paris, 1892, p. 205.

[16] L. Legré. Le poète Théodor Aubanel. Paris, 1894, pp. 269—270.

[17] Там же стр. 273.

Но требование «культурного равноправия» тесно сплеталось у фелибров с желанием сохранить неприкосновенными патриархальные отношения в Провансе. Полные активной неприязни к проникавшему на Юг капиталистическому индустриальному прогрессу, несшему с собою дух корысти и разгул эгоистических, хищнических страстей, фелибры искали социальную и этическую опору в традициях и устоях провансальской деревни. Весьма критически относясь к буржуазным общественным отношениям, они противопоставляли им, однако, утопический ретроспективный идеал — патриархальный образ жизни провансальского крестьянина, близкого к родной природе. Фелибры были убеждены, что они служат делу своего народа, что, возрождая язык «своих предков» и создавая произведения, понятные пахарю, ремесленнику и пастуху, они являются выразителями его чаяний и надежд. Но их стремление к сохранению и упрочению легитимистской монархии, их поддержка клерикализма, религиозно-мистическая направленность их творчества поставили фелибриж в оппозицию к демократическим силам во французском обществе того времени. Фелибры сыграли некоторыми сторонами своего творчества известную положительную роль в литературе 1850—1870 гг. Но именно вследствии реакционного утопизма их программы фелибриж не вырос до значения самостоятельной национальной литературы, а так и остался областническим литературным течением, сравнительно скоро исчерпавшим себя.

А. Доде увлекался деятельностью фелибров в 50—60-е годы. Впоследствии он разочаровался в ней и полностью порвал с представителями новопровансальской литературы. Но в те годы он видел в фелибрах современных провансальских трубадуров, восхищался поэмами Мистраля «Мирей» и «Каландаль», открывшими парижанам поэтичность и удивительную красочность старинных провансальских сказаний. Скептически относясь в эти годы к политике и социальным проблемам современности, он писал: «То, что зовется прогрессом, — слово неопределенное и весьма сомнительное».[18] Как и фелибры, Доде в это время стремился к возрождению традиций, к созданию произведений, посвященных истории края, его обычаям, природе. Ему казалось, что провансальское крестьянство с сохранившимися в его среде патриархальными отношениями, органично связанное с родной природой, является единственным гарантом национальной самобытности, источником духовного здоровья народа.

«Я с радостью слежу за последствиями толчка, данного нашим Мистралем. Возврат к традиции! Вот что может нас спасти в современном блуждании. Дурно терять совсем свои корни, забывать свою колокольню», — писал Доде.[19]

А. Доде родился в Ниме, в самом сердце Прованса. Здесь прошли его детство и юность — самые счастливые и беззаботные годы его жизни. Будучи в Париже, он внимательно следит за деятельностью группы провансальских писателей, пытающихся возродить провансальский язык. Он живо откликается на события, происходящие в его родном краю, следит за всеми публикациями «южной плеяды», как он называл провансальских поэтов. Вслед за появлением в 1855 г. первого «Провансальского альманаха»[20] Доде также пытается создавать стихи на провансальском языке. «Но, — писал он впоследствии, — мне не хватало слов. Великая сокровищница фелибров, научный словарь Мистраля,

[18] Léon D a u d e t. Alphonse Daudet. Paris, 1898, p. 152.
[19] Там же, стр. 151.
[20] «Armana Provençau», Avignon, 1855.

еще не существовал». Писать по-провансальски Доде было трудно, и он сам называл свои поэтические опыты «мозаикой, забавным сложением слов».[21]

В 1856 г. в Париже происходит его знакомство с Мистралем. Развитие крестьянской темы во французской литературе этих лет, тесно связанное с ростом областнической литературы, и оживление культурной жизни на родине Доде вызывают особый интерес молодого писателя к фелибрам.

В 1861 г. А. Доде впервые после долгого перерыва возвратился в Прованс. Из-за болезни легких ему в течение нескольких лет приходилось покидать Париж зимой. Обычно он останавливался в Монтобане, у своих дальних родственников — вдовы Амбруа, со старшим сыном которой, Тимолеоном, у А. Доде завязалась настоящая дружба. Рядом с домом вдовы на холмах стояло много заброшенных ветряных мельниц. Одна из них, мельница Тиссо, понравилась Доде. Он часто мечтал здесь в одиночестве, любуясь окружающим пейзажем и восстанавливая свои впечатления за день. Так родилась идея «писем, написанных на мельнице». И чтобы придать «письмам» еще большее правдоподобие, Доде предпосылает им «купчую» на эту мельницу. «Не мельница, а развалина; осыпающиеся обломки камня, железа и старых досок. На ней уже много лет ничего не мололи, и она стояла с переломанными конечностями, бесполезная, как поэт... С первого дня я полюбил эту отщепенку. Я любил ее за жалкий вид, за то, что дорога к ней заросла травой, той самой низкорослой травой, сероватой и пахучей, из которой отец Гоше составлял свой элексир... Я многим обязан этим часам духовного уединения. Для меня ничего не было целебнее этой старой мельницы в Провансе. Был даже такой момент, когда мне захотелось купить ее. У фонвьейского нотариуса можно было бы еще найти купчую, которая так и осталась в черновике, но послужила мне предисловием к книге», — писал Доде.[22] Вечера, проведенные в Монтобане в беседах с вдовой Амбруа, ее детьми, работниками фермы, дали обширный материал для будущих «Писем», а сюжет «Арлезианки» был подсказан Доде Тимолеоном, рассказавшим писателю случай из жизни.

Зимой 1863 г. А. Доде совершает свою вторую поездку в Прованс. В это время он особенно сближается с представителями новопровансальской литературы: Мистралем, Руманилем, Обанелем. Он совершает вместе с ними поездки по родному краю, знакомится с провансальским фольклором и, увлеченный старинными провансальскими традициями и легендами, влюбленный в природу Прованса, решает создать серию рассказов, посвященных людям Прованса. Под влиянием новопровансальских поэтов Доде начинает изучать местную «специфику» Юга. «Именно в это время, — пишет брат писателя Эрнест Доде, — он изучил южан на фоне их ландшафта, в их общественной жизни, в их обычаях, изучил, дополняя повседневные наблюдения воспоминаниями прошлого..., он сделался летописцем страстей и привычек этой породы людей».[23]

Провинциальный Прованс с его красочными праздниками, танцами, легендами неудержимо привлекает молодого Доде. Ему хочется забыть Париж и вернуться в мир радостных ощущений детства. «Эти детские впечатления никогда не забываются, — пишет Доде, — Безус (деревня, где прошло детство писателя) был для меня тем же, чем был Майан

[21] A. Daudet. Oeuvres complètes (éd. n. v.) VIII, Paris, [б. г.], p. 197.
[22] А. Доде. Собр. соч. в 7-ми томах, т. I. М., 1965, стр. 530.
[23] Там же, стр. 529.

для Мистраля. Как Мистраль в своей деревне, в Безусе я соприкасался с моим народом, я жил его жизнью, его развлечениями, песнями и легендами, ...я видел его под жгучим солнцем на пашне, на жатве, на сборе винограда, я слышал, как он говорит о своей работе и... пьянел от чудесного нашего языка».[24]

Возрождение былой славы провансальского языка новопровансальскими поэтами вызывало горячее сочувствие А. Доде. Вопрос о двух языках на Юге, о том, на каком языке следует говорить и является ли провансальский язык простонародным, — составлял предмет горячих споров в годы детства и юности писателя. «Родившись в Ниме, в ультрабуржуазной семье, — писал он впоследствии, — я вырос, презирая и одновременно обожая то, что родители мои называли простонародным языком... К несчастью, этот, так называемый простонародный язык, занимательный, певучий, образный и живописный, вторгался во все мои детские забавы, во все приключения».[25]

Любовь к провансальскому языку сохранялась у А. Доде на протяжении всей его жизни. Он переводил с провансальского на французский деревенские рассказы Батиста Бонне, сказки Руманиля, восхищался необычайной свежестью и образностью поэтического языка фелибров. «Стихи Мистраля, какое упоение! Говор моей деревни, язык, на котором там говорили только крестьяне, которого стыдились перед посторонними, я увидел его вдруг в красивой книге с параллельным французским переводом»[26], — писал Доде. (Речь идет о первом издании поэмы Ф. Мистраля «Мирей».)

Одним из основных источников творчества фелибров был национальный фольклор. «Без родных сказок..., — писал Мистраль, — не может быть крепких связей с родной страной».[27] Духовные стихи, сказки, легенды — все это ложилось в основу поэзии новопровансальцев. В «Письмах с моей мельницы» А. Доде также использовал провансальский фольклор. Он обрабатывал старинные провансальские сказания, услышанные от фелибров: «Козочка господина Сегена», «Папский мул», «Кюкюньянский кюре». Использование фольклора ощущается в сюжетах, композиции и языке новелл Доде, иногда он использовал форму народной сказки с персонификацией растений и животных («Козочка господина Сегена»).

Доде любовно собирал образцы народного творчества; в его записных книжках можно найти пословицы, поговорки, характерные выражения, которые окрашивают его рассказы, придают им местный колорит, хотя использование им «провансализмов» никогда не нарушает чистоты французского языка и не затрудняет понимания.

В одном из лучших рассказов сборника «Поэт Мистраль» А. Доде раскрывает, что его привлекало в творчестве фелибров. Для него Фредерик Мистраль — это живое воплощение образа народного поэта, творчество которого призвано сохранить для потомства прелесть старого Прованса. Анализируя поэму Мистраля «Каландаль», Доде пишет: «...Важно то, что в поэме все время видишь Прованс — Прованс приморский, Прованс горный, его историю, обычаи, предания, природу, его народ, простодушный и свободолюбивый, обретший раньше, чем исчезнуть, своего великого поэта...»[28] И нота раздражения, созвучная сожа-

---

[24] Цит. по: Baptiste Bonnet. Un paysan du Midi. Le Baïle Alphonse Daudet, p. 205.

[25] Там же, стр. 206.

[26] Там же.

[27] F. Mistral. Mes origines. Mémoires et Récits. Paris, 1906, p. 35.

[28] А. Доде. Собр. соч., т. 1, стр. 360.

лениям Руманиля, звучит в восклицании Доде: «А теперь проводите железные дороги, ставьте телеграфные столбы, изгоняйте из школ провансальский язык! Прованс будет жить из века в век в „Мирей“ и в „Каландале“».[29]

В возрождении провансальского языка Доде видел возможность сохранить своеобразие Прованса. В том же письме, посвященном Мистралю, он рисует картину некогда могущественного, а потом подвергшегося разрушению и запустению феодального замка, символизирующую падение провансальского языка. «Пока Мистраль читал мне стихи на прекрасном провансальском языке... на котором раньше говорили королевы и который теперь понимают только наши пастухи, я восхищался в душе этим человеком, вспоминая, в каком упадке был его родной язык и что он из него сделал».[30] Восстановленный замок — это провансальский язык. Крестьянский сын, возродивший его к новой жизни, — это поэт Мистраль.

В «Письмах с моей мельницы» Доде, как и фелибры, идеализирует крестьянский быт и патриархальную старину. Но идеализация прошлого у автора «Писем» не носит той реакционно-католической окраски, которую мы находим у поэтов, возглавляющих фелибриж. Доде обращается к патриархальному прошлому как писатель-гуманист, которому это время представлялось более человечным, чем современность с господствующими хищническими капиталистическими отношениями. Уже в этом произведении, обнаруживающем в наибольшей степени влияние фелибров, заметны расхождения Доде с идейной и художественной платформой фелибрижа.

В отличие от своих новопровансальских друзей, автор «Писем» понимает невозвратимость прошлого. Отсюда элегическая грусть, которая пронизывает многие рассказы «Писем». Печальна и трогательна история мельницы деда Корниля. Писатель создает как будто бы настоящую патриархальную идиллию: холмы, усеянные ветряными мельницами, вереницы осликов, навьюченных мешками на дорогах, красивые мельничихи в кружевных косынках, вино, веселье, фарандола. Но вот на Тарасконской дороге строится паровой мукомольный завод, и постепенно край лишается своего своеобразия.

«Не видать было больше осликов... Красавицы-мельничихи попродавали свои золотые крестики... Ни тебе муската!.. Ни тебе фарандолы!..»[31] Лишь мельница деда Корниля упрямо сохраняла видимость жизни. Преданность старому укладу вызвала к старому мельнику сочувствие всей округи. Доде с печалью рассказывает о разорении мелких собственников, но, с другой стороны, он хорошо видит и обреченность такого протеста. Весь рассказ представляет собой сочетание грусти и мягкого юмора, которым особенно проникнут конец произведения: «Затем, как-то утром, дед Корниль умер, и крылья нашей последней мельницы остановились, на этот раз навсегда... Что поделаешь, сударь!.. Всему на земле приходит конец, и надо думать, что прошли времена ветряных мельниц, как прошли времена бурлаков на Роне, королевских судов и пестрых курток».[32]

С той же проникновенной грустью, только, пожалуй, с еще большей долей юмора написан рассказ «Старики». Чета старичков представляется автору символом невозвратимо уходящего чистого, патриархального семейного уклада. Рассказ пронизан любовью и сочувствием к сла-

[29] Там же.
[30] Там же, стр. 361.
[31] Там же, стр. 281.
[32] Там же, стр. 285.

бым, беззащитным существам: к девочкам-сироткам, канарейке, старичкам, которых приводит в волнение самое маленькое происшествие, вторгающееся извне в их мирок. Этот рассказ Доде заставляет вспомнить гоголевских «Старосветских помещиков»: то же умиление перед осколком уходящего в прошлое мира, то же грустно-ироническое понимание неизбежности его исчезновения.

В одной из своих заметок Доде пишет: «Включить в предисловие к „Тартарену из Тараскона", если я его помещу в один том с „Арлезианкой", что существует два Юга: Юг буржуазный и Юг крестьянский. Один комичен, другой великолепен. Я специально объединил эти два этюда, как два образца двух различных характеров Юга».[33]

«Письма с моей мельницы» посвящены именно крестьянскому Югу. В рассказе «Арлезианка», коротком, но написанном с большой драматической силой, вопрос о крушении старых форм жизни поставлен уже в чисто этическом плане. Патриархальный уклад требует, по мнению Доде, нравственной чистоты, высоких, хотя и простых в своих жизненных проявлениях, моральных принципов. Те, кто отрываются от родной почвы или подпадают под влияние городской морали, утрачивают спокойствие духа и нравственную устойчивость, становятся несчастными людьми. Носителями высоких моральных качеств являются в рассказе Жан, его родители и окружающие крестьяне. Но вот появляется арлезианка, и покой семьи нарушен. Доде показывает, что не только новые формы производства разрушают своеобразие этого края, но и вторжение чуждой «городской морали», несущей с собой ложь и обман, убивающей чистые и честные отношения в семье. Жан предпочитает покончить с собой, чем поступиться своей честью. «Он, бедняга, решил: „Я слишком люблю ее... я уйду...". Ах, жалкие мы люди! На что же это похоже? Презрение не может убить любви!..»[34]

В «Письмах» тема старины постоянно сплетается с темой природы. В изображении провансальских крестьян Доде испытал на себе несомненное воздействие творчества И. С. Тургенева. «Мы были связаны с ним еще до знакомства общей любовью к полям, перелескам, к природе, одинаковым пониманием ее превращений. Человек становится лучше, когда он внимает природе; тот, кто любит ее, не может быть безучастен к людям»[35], — вспоминал Доде.

Доде впервые прочел «Записки охотника» Тургенева в 1860 г. В это время молодые французские литераторы увидели в «Записках охотника» своего рода манифест реалистической школы. Шанфлери и Бюшон ставят Тургенева в один ряд с Диккенсом, Теккереем, Бронте и Готхельфом[36].

Доде учился у Тургенева умению создавать реальную картину жизни деревни, изображать крестьянина в постоянном взаимодействии с природой. «Мне довелось как-то прочесть „Записки охотника", — писал он в очерке, посвященном Тургеневу, — и они произвели на меня такое сильное впечатление, что я познакомился и с другими книгами русского писателя»[37]. Воможно, что даже сама форма «Записок», рассказов, якобы излагаемых охотником, повлияла на оформление «Писем с моей мельницы», чтобы придать особенную достоверность повествованию.

Ближе всего Доде смыкается с фелибрами в противопоставлении

---

[33] A. Daudet. La Doulon. Paris, 1933, p. 125.
[34] А. Доде. Собр. соч., т. 1, стр. 301.
[35] Там же, т. 7, стр. 426—427.
[36] Иностранная критика Тургенева. СПб., 1884.
[37] А. Доде. Собр. соч., т. 7, стр. 426—427.

городской и деревенской морали. Герои его рассказов отличаются простодушием и наивностью, приближающими их к природе; таков чистый сердцем пастух, свято оберегающий сон любимой им девушки в рассказе «Звезды», таковы персонажи «Арлезианки». Вера в нравственное совершенство людей из народа сближает А. Доде с Жорж Санд, которая видела спасение от всех общественных пороков и социальной несправедливости в здоровых началах, присущих «простолюдинам».

Но при известном единомыслии в этом вопросе с фелибрами Доде отличается от них своим полным отрицанием клерикализма. Антиклерикальная тема появляется уже в самых ранних произведениях писателя: в рассказе «Двойное обращение» и аллегорическом диалоге «Души рая». В творчестве Доде полностью отсутствуют религиозно-мистические мотивы, столь характерные для творчества Мистраля и Руманиля. В «Письмах» отчетливо выражено скептическое отношение Доде к духовенству. Эти рассказы особенно актуально прозвучали в эпоху Второй империи, когда роль католической церкви во Франции необычайно возросла. «Черная рать» насчитывала в эти годы более 40 тысяч священников, держала в своих руках школы, университеты, активно вмешивалась в политическую жизнь страны. В рассказах: «Бокерский дилижанс», «Папский мул», «Три малые мессы», «Кюкюньянский кюре» и «Эликсир его преподобия отца Гоше» Доде по-разному, но всегда с иронией изображает хитроватых деревенских кюре. Он не заставляет своих героев искать спасения в религии, как это делает Мистраль в «Мирей». Даже в сюжеты, подсказанные ему фелибрами («Кюкюньянский кюре»), он привносит элемент иронии и совершенно исключает мистицизм. Достаточно обратиться к образу вечно пьяного отца Гоше, обогащающего свой монастырь посредством изготовляемого им эликсира, или умирающего от обжорства капеллана Балагера, чтобы убедиться в ироническом отношении Доде к служителям церкви. Юмористическое по внешности, но фактически беспощадное обличение безнравственности духовенства, осуждение религиозного ханжества и обмана верующих церковниками — это настойчивая тенденция рассказов Доде решительно отмежевывает его от фелибров.

О той роли, которую сыграли в создании «Писем» фелибры, Доде позже писал критику Фукье, считавшему «Письма с моей мельницы» заимствованиями у Руманиля: «Не у Руманиля взял я наивные, старозаветные и сказочные черты некоторых моих рассказов: мне надо было только закрыть глаза и начать вспоминать. Из всех тамошних жителей больше всего помог мне, повлиял на меня, стал моим наставником Фредерик Мистраль. Благодаря ему я еще совсем молодым взглянул на то, что меня окружало вблизи, услышал, как шуршит у меня под ногами сухая трава, и не стал славить книжные горы библиотек. Я понял этот Юг, откуда мы оба, понял не так возвышенно, не так поэтично, как он, но все же понял его и изобразил на свой лад»[38]. Тема Юга и южан и позже найдет свое воплощение во многих произведениях Доде: знаменитый Тартарен из Тараскона, Нума Руместан и многие другие персонажи, вероятно, подсмотрены писателем во время его поездок в Прованс.

«Письма с моей мельницы» не имели особого успеха у современников. «Тем не менее, они остаются моей любимой книгой, не с литературной точки зрения, а просто потому, что они напоминают мне о самых чудных днях моей юности, безудержном хохоте,... о милых

[38] Там же, стр. 528—529.

лицах и милых картинах, которые я никогда больше не увижу»[39],— вспоминал Доде много лет спустя.

Таким образом, многие стороны литературного движения провансальских поэтов были созвучны творчеству Доде: он ценил в фелибрах любовь к родному краю; ему было близко их стремление быть понятным народу, писать для него; его привлекало использование народного творчества и попытки возрождения провансальского языка, но политическая программа фелибров была чужда Доде. И хотя он искренне сокрушался, что уходит живописная старина, что постепенно разрушаются патриархальные устои и традиции Прованса, он хорошо понимал всю историческую неизбежность их исчезновения. Поэтому-то, несмотря на явно испытанное им влияние фелибров, Доде уже в начальный период своего творчества, создавая «Письма с моей мельницы», не замкнулся в узких рамках областничества, а вышел на магистральный путь французской реалистической литературы, в которой его творчество заняло в дальнейшем одно из самых выдающихся мест.

[39] Там же, стр. 531.